ПОСЛОВИЦА.

А любишь ли ты пословицы?

До хорошей пословицы я охотникъ, — особенно коли она кстати сказана; а плохой не терплю, потому что она учитъ худу.

А будто есть худыя пословицы?

Да худаго гдѣ нѣтъ? Въ новую избу тараканы завсегда на передъ хозяевъ перебираются. Вотъ напримѣръ часто слышимъ мы съ тобою пословицу: Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ; эта никуда не годится. Приняла, сказываютъ, жена безъ мужа гостью, куму свою, да и накормила ее ужиномъ, который припасенъ былъ для мужа. Поглядѣвъ, что ужъ не много осталось, а мужъ–то скоро будетъ, да видно ляжетъ спать голодный, хозяйка и стала потчивать куму свою: доѣдай–же, говоритъ, кумушка–голубушка, девятую шанежку (ватрушку), мнѣ однако отъ мужа битой быть!

А лучше этой пословицы мнѣ нравится та, которая говоритъ противное: повинной головы и мечь не сѣчетъ. Изъ вины твоей

конечно мнѣ не шапку сшить — да на повиннаго рука не подымется, а кого люди прощаютъ, того и Богъ проститъ.

Вѣдь прошлаго неворотишь; не за то бьютъ, что зачѣмъ укралъ, а за то бьютъ, что впередъ не воруй; кто повинился, тотъ напредки отъ худа отрекается — и Богъ съ нимъ; а кто не винится — того бойся, тотъ стало быть, поминаючи зады, и впередъ замышляетъ.

Говорятъ, что повинившись зарекаются, да не на долго; зарекаются–де съ воскресенья, до поднесенья; не ладно это, а все лучше того, кто говоритъ: семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ; такого бойся.

Кто съѣлъ мой пирогъ? Не я. А кому дать еще? Мнѣ! — Копить добрыя дѣла да молчать — это хорошо; а копить семь бѣдъ на одинъ отвѣтъ, доѣдать девятую шанежку, потому что за одно биту быть — это безпутно. Такого парня не научишь добру, и не стоитъ того, чтобы его бить.

Добро бить того, кто плачетъ, учить того, кто слушается. Съ заклятымъ, съ закоснѣлымъ и упорнымъ ничего не

сдѣлаешь: это горбатый, котораго правитъ не дубинка, а могилка.

Сказываютъ, что въ старину еще, купленный убійца подкрался ночью къ сильному и могучему вельможѣ; но сколько не нудилъ себя, а рука у него на кровавое дѣло не подымалась, и что дальше, то болѣе сталъ обмирать страхомъ. Не знавъ никогда доселѣ голоса совѣсти, наемный убійца до того самъ испугался немочи своей и невѣдомаго страха, что почелъ это знаменіемъ Господнимъ и ему казалось, что правая рука, въ которой держалъ онъ оружіе, стала замирать и отыматься. Въ ужасѣ будитъ онъ самъ Князя и говоритъ ему:

Князь, слушай, враги твои хотятъ извести тебя, я на это дѣло дался имъ, но Богъ вразумилъ меня и посылаетъ къ тебѣ посломъ, чтобы повѣдать это и велѣть остеречься! Вели меня казнить, какъ злодѣя, я бросаю ножъ и отдаюсь во власть твою.

Князь поглядѣлъ на него, прошелся молча по покою и сказалъ: Быть такъ;

пословъ не сѣкутъ, нерубятъ, а домой отпускаютъ. Поди, покуда темно, чтобы я тебя и въ лицо не видалъ.

У Русскаго мужика есть старинный обычай, благодарить за науку, коли его накажутъ. Если онъ дѣлаетъ это, какъ иногда случается, съ назолу, не каясь отъ сердца, не сознаваясь въ грѣхѣ своемъ, то у него языкъ лепечетъ, а голова не вѣдаетъ; языкъ мой врагъ мой: напередъ ума глаголетъ! Но если онъ дѣлаетъ это, по завѣту и въ память отцовъ и дѣдовъ, то есть по правдѣ и въ чистотѣ сердечной, тогда можно напророчить этому виноватому, что его наказали въ послѣдній разъ и что впередъ онъ будетъ слушаться не палки, а слова; не все хлыстомъ — ино и свистомъ.

Единъ Богъ безъ грѣха. Кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ? И праведникъ седмижды въ день согрѣшаетъ; но прегрѣшеніе невольное кающемуся отпускается, а грѣшникъ закоснѣлый — чорту баранъ. Давидски согрѣшаемъ, да не Давидски каемся; хотя и первый человѣкъ грѣха не миновалъ, и послѣдній не избудетъ

его, но одинаково уготовано всякому и спасеніе и кара кромѣшная, не столько по грѣхамъ его, сколько по скорому и чистому раскаянію.

О томъ, кто и каится, да ханжитъ, каится думая обмануть и людей и Бога, говорятъ: укравъ Часословъ, да услыши, Господи, молитву мою! Согрѣшающихъ мы видимъ — а о кающихся Богъ вѣсть; чужая душа потемки. Но милость надъ грѣхомъ властна, какъ вода надъ огнемъ; властна, разумѣется, коли есть кайка, есть признаніе. Тогда то говорится, что повинную голову и мечь не сѣчетъ; гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. А коли повинился и прощенъ, такъ помни: каяться кайся, да опять за тоже не принимайся, не говори: прости, Господи, прошлые грѣхи — да и на предки тожъ, — чтобы не было и съ тобой, какъ было, сказываютъ, съ дятломъ: какъ свѣтъ, такъ онъ принимается стучать носомъ по пнямъ и дупламъ — къ вечеру головушку разломитъ, а онъ покаится и зарокъ положитъ: больше не стану; а какъ утро настало — такъ опять за тоже!

Виноватъ, да повиненъ — ни людямъ, ни Богу не противенъ; кто самъ себя называетъ должникомъ, тотъ хочетъ заплатить долгъ. Виноватый въ винѣ, правый въ правдѣ — а всякому грѣху покаяніе; держи голову уклонну, а сердце покорно; бей челомъ ниже: до Неба высоко, до земли ближе!